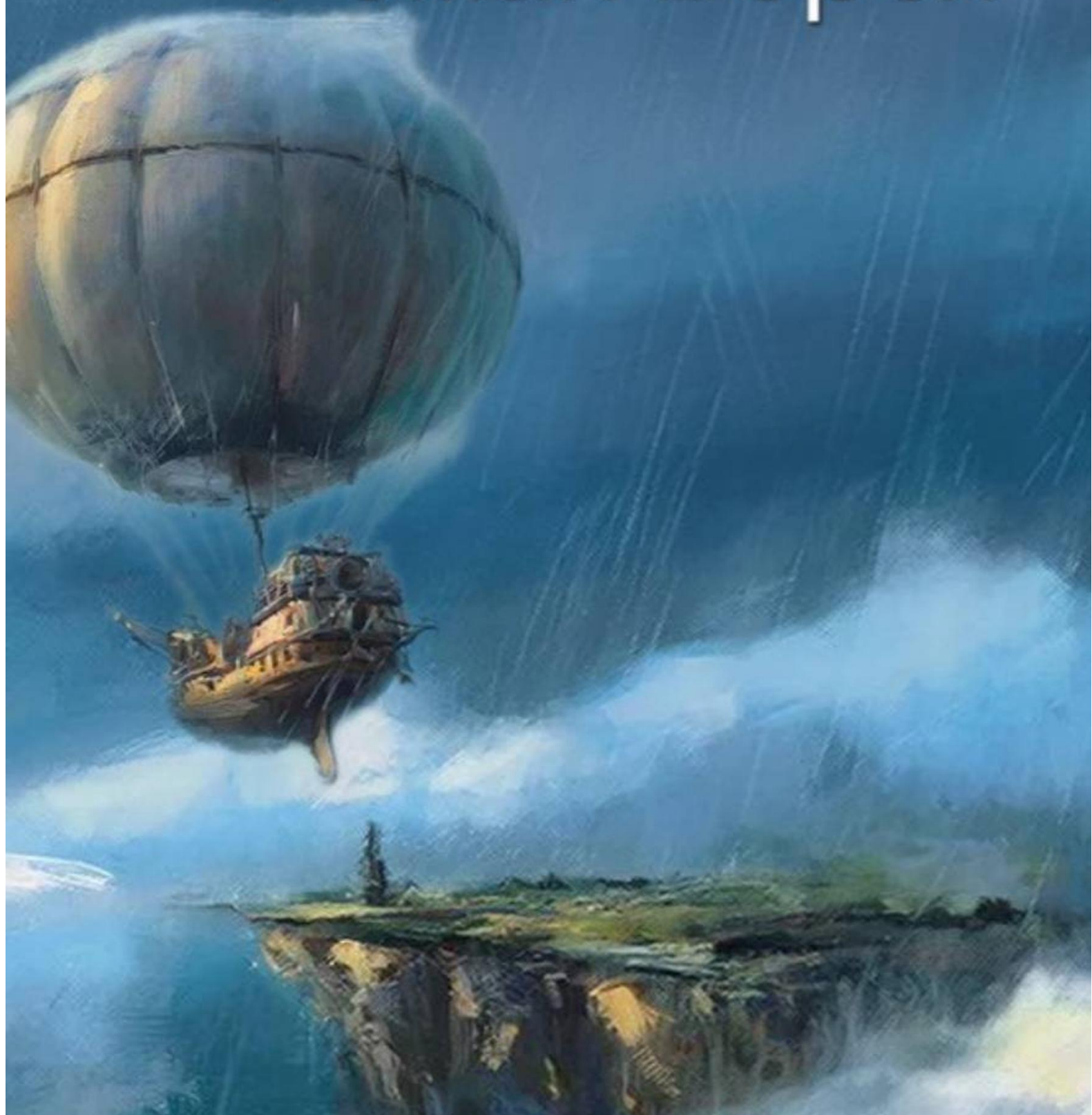

РУБЕЖИ

Роман Ворох

Роман Хисматов

Рубежи

«Автор»

2026

Хисматов Р. А.

Рубежи / Р. А. Хисматов — «Автор», 2026

Судьба сводит вместе вора, капитана воздушного траулера, дочь благородного барона и ее преданного телохранителя, именно им отведено судьбой спасти этот мир. Мир, где вместо привычных континентов существуют парящие острова, а орден фанатиков пытается захватить власть на всех рубежах. В эти лихие времена, когда даже лучшие друзья могут выстрелить в спину, а мысли больше не являются сокровенной тайной, все, что им остается - поймать попутный поток ветра, зарядить свой паровой пистолет и крепче держаться за штурвал. Добро пожаловать в мир, где свободным может быть только тот, у кого храброе сердце.

© Хисматов Р. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роман Хисматов

Рубежи

Глава

РУБЕЖИ

Глава 1

Марк сидел возле паровой батареи отопления, но холод никак не хотел выходить из его тела. Переборов на некоторое время озноб, он встал и подошел к окну. Вглядываясь в запыленное от времени стекло, он увидел в небе проплывающий остров верхнего уровня. Неведомо как держащийся в воздухе кусок земли был огромен и занимал весь горизонт; в отдельных его местах срывались струи водопадов. Вероятно, в ближайшие часы он закроет собой солнце.

– Отличное время для беглецов, – произнес он вслух. Звук собственного голоса немного ослабил нервное напряжение.

Внимательно осмотрев из окна все возможные места проникновения в его потайное логово и убедившись в своей безопасности, он смог наконец-то сесть за пошарпанный стол, стоящий в углу комнаты, слабо освещенной пьезолампой. Обстановка вокруг была еще та: грязные вещи лежали на полу возле окна, лежак был завален всяким хламом, вроде старых газет или невесть откуда взявшегося подсумка от паровых гранат. Маленькая комната в заброшенном здании на окраине столицы так и кричала: «Здесь живут лишь крысы и тараканы». Лучшее место для того, чтобы организовать свою, как говорится, «точку отхода». К своим семнадцати годам он обзавелся уже тремя такими точками, но этой не пользовался ни разу, так что про нее не знала ни одна живая душа.

Единственным, за что мог зацепиться взгляд в этом убогом помещении, был сверток, лежащий на столе и тускло переливающийся зеленым светом, что говорило о его хитром технологическом происхождении, и за который было заплачено немало денег мастерам верхних рубежей всевидящего ордена. Именно эта вещица и была источником всех бед за последние двадцать четыре часа.

Марк завернулся в пыльный плед и попытался вспомнить вчерашний день: где именно он совершил ошибку? Как вообще ему пришло в голову обворовать этих чертовых фанатиков? Он лишь надеялся пожить парой десятков реалов из монашеской кельи, а вместо этого нашел эту вещицу и, не придумав ничего лучше, схватил ее. Теперь по всему городу бегают патрули в сопровождении мыслечтецов и ищут его, дурака, рискнувшего ограбить святая святых – главный храм островного рубежа. Все эти мысли вертелись в его голове со скоростью света и лишь в одном факте не было сомнения – нужно было бежать. И бежать туда, где его не найдут.

Но как убежать дальше парящего острова Миранда, на котором находилась столица рубежа? Уж всяко не прыгнуть с обрыва и падать в центр планеты. А это означало только одно – нужно лететь на остров другого рубежа, а лучше – на остров другого государства, где говорят не на общем островном языке. Воришка почесал лохматую голову, пытаясь вспомнить, как было написано в учебнике за десятый год обучения общей школы...

«На языках диких племен – периода «ядерной» или как ее там энергетики,» – всплыли в памяти ненавистные строчки учебных томов, которые вбивали ему в голову в начальной школе, являвшейся обязательной для всех, даже для безродных сирот.

Но ни одно из этих знаний не поможет ему спасти свою жизнь, если он не начнет действовать, и чем скорее – тем лучше. Исходя из этих соображений, Марк начал собирать свои

пожитки – немного консервов, сухари и флягу с водой, сменное белье и другие нехитрые вещи, необходимые в дороге. Свою рваную обувь он сменил, обув крепкие сапоги, украденные им в лавке, которые он ни разу еще не обувал по причине того, что они смотрелись на нем очень нелепо, но сегодня уже плевать. Застиранные и потрепанные коричневые брюки он спустил поверх голенища, немного спрятав приметный элемент своего гардероба. Куртка из серой парусины, такая же, как носят работники в паровых портах и доках, кепка на тот же манер и его гордость – часы на тонкой металлической цепочке. Они уже давно не работали, да и определять время по ним он так и не научился – стрелочные часы уже давно заменили пьезочасами с цифровым табло, на котором были тускло горящие цифры, а на этих – стрелки показывали на неизвестные ему символы по краю циферблата. Но Марку очень нравилось открывать и закрывать циферблат, изображая из себя очень образованного юношу. Это не раз помогало ему втереться в доверие наивных горожан, которых он потом с легкостью обворовывал.

За окном блеснула молния, на мгновение осветившая его убежище, по крыше заброшенного здания забарабанил дождь – лучшая погода, чтобы скрыться от поисковых собак, которые были у жандармов и неплохо справлялись со своей задачей – поиском вот таких неудачников, которым повезло родиться без имени в подворотне, кое-как отучиться в общей школе приюта и не придумавшим ничего более подходящего, кроме как сделать воровство своим ремеслом.

Размышляя обо всем этом, Марк не забыл прихватить с собой и сунуть на дно рюкзака злосчастную посылку. Бегло осмотрев свое убежище и убедившись, что следов его пребывания не осталось, он спешно двинулся к выходу.

Столица просыпалась, несмотря на дождь и приближение острова верхнего уровня, который должен был закрыть собой солнце, люди спешили на работу. В это время на брусчатке, покрытой грязью, мусором и экскрементами животных, уже выставляли свой товар лавочники. Пройдет еще немного времени и улицы заполнят торговцы, покупатели, простые прохожие, суровые жандармы и непременно за всеми свысока будут наблюдать члены всевидящего ордена.

На одном из перекрестков уже стояли столы, закрытые сверху навесом. Из товаров на них были представлены различного вида пьезолампы, паровые генераторы, пьезовещества и еще множество устройств и изделий, предназначения которых Марк не знал, разве что еще ему были известны водонагреватель и несколько мониторов. Внезапно люди, шедшие по мостовой, начали расходиться в стороны, Марк догадывался кому уступают дорогу прохожие, но все-таки надеялся на лучшее. Лучшее не произошло и из-за поворота вышли двое монахов всевидящего ордена, облаченные в черные рясы инквизиции. От этих точно нужно держаться подальше и главное спрятать свои мысли, но как?

– Уважаемый, сколько будет стоить ремонт этих часов? – достаточно небрежно, чтобы не привлекать к себе внимание, спросил воришка, всеми возможными способами пытаясь спрятать свою тревогу за разговором с лавочником.

Торгаш с лицом знающего человека, взял из рук Марка протянутые часы и при помощи увеличительного стекла начал изучать обратную сторону корпуса. Толстыми пальцами он достаточно ловко открутил заднюю крышку и приступил к изучению устарелого механизма, при этом что-то бормоча себе под нос. Пренебрежительная гримаса его лица так и не покинула, но он справился с отведенной ему ролью прикрытия, ведь мысли Марка витали вокруг часов, лавочника, его льняного фартука, кое-как справляющегося с тем, чтобы прикрыть толстое пузо торгаша. Монахи ордена стояли в нескольких метрах от Марка и, судя по всему, читали мысли людей, и не стоило сомневаться в том, что им это удастся – все неверующие уже давно висят на рее позора у входа в город.

Близость монахов заставила мысли юноши крутиться быстрее, но его снова спас лавочник, отвлекший от тяжелых раздумий разговором о часах:

– Молодой человек, я готов заплатить вам пять всерубежных реалов за эту безделушку, – сказал пузан, пренебрежительно бросив часы на прилавок, при этом его взгляд украдкой остановился на служителях ордена, стоявших за спиной юноши.

– Прошу меня простить, но я лишь хочу починить их, – произнес Марк, при этом затылком он почувствовал чужой взгляд на себе. Понимая, что мысли его стали достоянием монаха и нельзя терять ни секунды, он схватил часы с прилавка и рванул что есть сил.

– Остановись, нечестивый! – закричал монах, который, судя по белому поясу, из двух служителей культа был старшим.

С этого момента время полетело со скоростью парснаряда. Марк рванул в толпу утренних прохожих, работая локтями, он пробивал себе путь в подворотню. Монахи не отставали – люди перед ними шарахались в стороны, тем самым сокращая и без того маленькую фору, которую получил беглец. Марк уже залетел в подворотню, когда услышал щелчок арбалета – болт пролетел над правым ухом и со звоном ударился в стену.

Понимая, что другого шанса не будет, и что живым его брать не собираются, воришка что есть сил побежал к забору, разделяющему грязные дворы. Набрав скорость и со всей силы прыгнув вверх, он ухватился за край и начал подтягиваться, но в этот момент за ногу его схватил младший из пары монахов. Не собираясь сдаваться без боя, Марк замахал второй ногой, стараясь угодить преследователю в голову – последовал хруст ломающегося носа, но хватку монах не ослабил. Что есть сил Марк подался вперед, затягивая себя на забор и оставляя своему преследователю трофей в виде сапога.

Рухнув на землю, воришка побежал. Зная все темные подворотни около рыночной площади как свои пять пальцев, мечась от закоулка к закоулку, он бежал, бежал, спасая свою жизнь.

Как раз в это время рынок и весь город с ним накрыла тьма – верхний остров закрыл солнце. Всюду начали включаться пьезофонари, подворотни по-прежнему оставались скрытыми полумраком, и в этом полумраке, прячась в тени, крался, спасаясь от ужаса застенков инквизиции, Марк. Ни сбитое дыхание, ни стертая в кровь ступня не могли его остановить.

Запутывая следы, он вышел на улицу ремесленников. Тут гроыхали кузни, стоял запах коженных мастерских, а также витал аромат уличных закусовых.

– Лучший кожаный доспех из кожи боевого слона, – кричали с одной стороны.

– У нас доспех из стали старых времен, совсем незаметен под курткой и точно удержит пулю! Не то, что бумажная шкура слона, – вторил первому глашатаю прямой конкурент.

– Ваш панцирь подойдет только для парада на площади выживших, знающий человек выберет кожу, – не унимался первый зазывала.

Простой народ только шарахался от этих криков, но главное, что они отвлекали на себя внимание всех вокруг. Так что если держаться от них подальше, то можно затеряться в толпе серой массы людей. Рассчитывая на то, что в тусклом свете уличных фонарей его будет труднее найти, Марк пошел с видом обычного прохожего, ищущего нужный ему товар, и просто глазел по сторонам, стараясь держаться подальше от жандармов. Служителей культа всевидящего на улице видно не было и, прихрамывая на правую ногу, воришка пошел в сторону парового порта, надеясь заскочить на плывущий по воздуху корабль и, как минимум, улететь на другой край острова, а как максимум – вообще исчезнуть с этого рубежа парящих островов.

У входа в паровой, или как еще его называли, воздушный порт было оживленно: возле проходной стояли монахи и, судя по полуприкрытым глазам, читали мысли проходящих мимо них людей. Жандармы проверяли и досматривали каждого, кто пытался зайти или выйти. Тучный служака с покрасневшим лицом явно был недоволен неожиданным подкреплением, но старательно изображал строгость и неподкупность. Толпа недовольных зевак стояла в стороне, громко обсуждая неожиданные кордоны, возникшие на их пути.

– Что опять случилось, Пэг! Когда это ты стал таким принципиальным? – крикнул один из рабочих порта, который не мог попасть в доки.

– А не пошел бы ты под хвост своей мамаше, грязная рвань! – крикнул краснолицый жандарм, при этом из-под кепки косясь на мыслечтецов от ордена, стоящих рядом.

– Что случилось, почтенный, из-за чего такой переполох? – спросил Марк работягу, которому указывал дорогу названный Пэгом жандарм.

– Да черт его знает, подошли полчаса назад эти в рясах и давай всех трясти: кто таков, куда идешь? В порт не пускают никого, кроме экипажей паровых кораблей, документы проверяют, а я им говорю, какие документы, у меня их отродясь не было, мы ж не графья какие... – дальше пошли перечисления тех мест куда могут засунуть свои документы жандармы.

Вокруг уже столпилось немало народу, желавшего попасть в порт. Среди него Марк заметил знакомого с утра монаха с разбитым лицом, несшего сверток подмышкой – почувствовав неладное, он начал ретироваться в темноту переулка вдоль стены порта. Пройдя не более ста метров, Марк услышал лай собаки. Обернувшись, он увидел двух монахов, один из них нес в руке злополучный сапог, который еще утром был на его ноге. Их сопровождали трое жандармов, на привязи у одного из служителей закона была собака, которая тянула его в сторону Марка.

– Вот черт, – выругался вслух воришка и что есть сил побежал вдоль забора порта.

– Ты хочешь сказать он был тут? – послышался пренебрежительный голос со стороны ворот порта.

– Если мой Джек ведет нас сюда, значит, он тут был, – раздался басовитый голос жандарма, в руках которого был поводок поисковой собаки.

Уже второй раз за день началась погоня за Марком. Проклиная свою глупость, монахов и все, на чем свет стоит, он бежал вдоль портовой стены в поисках путей отступления. С одной стороны от него были старые дома с заколоченными окнами и дверями – времени ломать себе проход у него не было; с другой стороны была стена порта, высотой под три метра, гладкая, как лед – перемахнуть через нее без посторонней помощи не получится.

Понимая, что спасти его смогут только его ноги, Марк побежал, не обращая внимания на разбитую в кровь правую ступню, лишь поймал себя на мысли, что тем самым он дает возможность поисковой собаке с легкостью идти по его следу, но другого выхода у него не было.

Внезапно за резким поворотом Марк налетел на двоих работяг, которые мастырили лестницу через забор. Столкнувшись с одним из них, он невзначай отправил его в полет. Грохнувшись задом в лужу, работяга заорал:

– Какого болта ты творишь, засранец?! – судя по голосу, он был пьян, причем изрядно. Второй работник доков пытался поднять его на ноги, но шаткое состояние из-за большого количества алкоголя позволило ему сделать это лишь со второй попытки.

– Дядька, не сердчай, вопрос жизни и смерти, – с этими словами Марк без раздумий начал подниматься по лестнице.

Опешив от такой наглости, пьянчуги начали посылать ему проклятья и пожелания скорейшей смерти где-нибудь на дне сточной канавы, но Марк уже взлетел по лестнице и прыгнул в стопку тюков – то ли с пшеницей, то ли с огненным железом. На то тут и паровой порт, что в тюках может быть все что угодно, от гвоздей до картошки. В это время за забором раздался крик и выстрел парового пистолета, это говорило о том, что погоня уже наступает ему на пятки.

– Кто таковы? – раздался басистый голос жандарма.

– Да мы с третьего дока грузчики, Тимоха и Мартюха! Если сегодня не придем на смену, бригадир уволит! – завопили так кстати подвернувшиеся воришке мужики с лестницей.

– Я вижу, что не врут, – заговорил монах. – Еще раз будете воровать со склада, отправлю на молитвы в инквизицию, а теперь исчезли, пока не передумал.

Белые от испуга мужики, поняв, что сегодня им безгранично повезло, невнятной походкой, непрестанно кланяясь и извиняясь, побрели восвояси.

– Святой отец, тут это, Джек тянет на лестницу, я так разумею он в порт сиганул, – забасил жандарм, на привязи у которого была собака.

– Ну так бегом за ним, что встали?! – загоlosил служитель культа и сам подал всем пример, быстро начав взбираться на стену.

Все это Марк не слышал, так как уже бежал в сторону причала, на котором в сумерках островной тени виднелись огромные, накаченные паром паруса грузовых траулеров. Одни были размером с большой двухэтажный дом, другие совсем маленькие, рассчитанные на перевозку от силы пяти пассажиров; вся территория причала была заставлена контейнерами и тюками. С неба наконец-то пошел долгожданный дождь, смывая все следы, оставленные им для поисковой собаки.

Под грохот грома и вспышки молний в голове Марка уже появился четкий план, как покинуть остров на летающем траулере, спрятавшись среди груза. В приюте ему кто-то рассказывал, что обычный перелет с острова на остров занимает не более двух-трех дней, вопрос только в одном – куда ты прилетишь. За всю свою жизнь Марк не покидал столицы, и паровые доки, где они с друзьями частенько обворовывали груз, вызывали у него определенный трепет неизвестности – никогда не знаешь, что будет за груз и за какую цену они смогут его продать. А самое главное – откуда эта вагонетка? Вдруг с проклятого острова с самого нижнего рубежа, и она заполнена телами вот таких любопытных воришек, рискнувших прикоснуться к проклятому железу, которое убивает не только тело, но и саму душу.

Внутренняя территория доков практически не охранялась – чтобы охватить всю территорию, заполненную контейнерами, вагонетками, воздушными парусами, баллонами с газовым паром, не хватит никаких жандармов. Вот и получилось, что охрана груза – это проблема владельца груза. Для портовых служб главное, чтобы никто не улетел и не прилетел, не оплатив пошлины. Вот и охраняли они только портовые ворота и пассажирский причал, а территория, где располагались грузы, была всеми забыта – все равно все через забор не перекинешь.

Марк, немного пораскинув мозгами, решил, что груз, стоящий в самом первом ряду от кораблей, будет загружен раньше, и пробрался к причалу порта. Струи проливного дождя моментально смывали все следы, которые он оставлял. На причале он спешно начал искать грузовую тележку или контейнер, в который сможет пролезть, но все старания были безуспешны. Перемещаясь по причалу с видом загнанного животного, он приблизился к тому месту, где ряды с грузом вплотную подходили к краю причала. По своей любознательности воришка случайно заглянул за край и ахнул: перед его глазами разверзлась бездна, освещаемая вспышками молний и с жадностью пожирающая струи дождя, а потоки воды, которые, срываясь с края пирса, уносили с собой грязь портовых улиц. Отпрянув назад, он врезался спиной в открытую дверь контейнера. Не раздумывая ни секунды, Марк залез в него и захлопнул дверь.

– Вот это интересно, – произнес себе в усы Михай, стоя на палубе небольшого воздушного траулера, который он ласково называл «Жук». С его позиции хорошо было видно, как неизвестный ему юноша захлопнул себя в пустом контейнере. И именно в том контейнере, который должны были загрузить на его траулер, но из-за какого-то переполоха в Миранде все грузчики толпились перед воротами парового порта.

Спустя несколько мгновений на причале появились блюстители порядка, которых на этом острове называли жандармами. Все промокшие, с собакой, а с ними были монахи – единственные, кто присутствуют на всех рубежах. Когда-то они преследовали и его, чертовы мутанты, научившиеся читать мысли людей.

Жандармы начали методично проверять груз, стоящий вдоль причала, и неумолимо приближались к контейнеру, в который залез парнишка. А в сердце капитана «Жука», который жил

по принципу «спасение падающего – дело рук самого падающего», по неведомой ему причине, зародилось желание если не спасти мальчика, то хотя бы отвлечь так ненавистных ему монахов.

Под прикрытием дождя и тени острова, капитан спустился на причал и, подойдя к контейнеру, крикнул преследователям:

– Какого болта так долго? Контейнер грузите, и я парю отсюда, пока верхний остров не ушел. Мне на его рубеж по-другому не уйти, – при этом он начал растягивать тросы для крана прямо возле контейнера с беглецом.

Жандарм с собакой подошел к нему первым, промокнувший пес не выразил никакой агрессии, в отличие от его хозяина. Вот и думай, кто тут собака...

– Никто никуда не полетит, пока мы тут одного человека не найдем, – промолвил с явным раздражением жандарм, разглядывая стоявшего перед ним капитана.

– Так вы не грузчики? Бригадир обещал их еще вчера, но так никто и не пришел. Мне что тут с вами, вечно порожняком стоять? У меня заказы горят, и пошлина королевская уплачена, кто будет платить неустойку? – вопрос о простом был вечной проблемой в паровых портах. Точного графика никто не делал, да и как его сделаешь, когда острова летают так, как им заблагорассудится. Они пошлины не платят и королевское слово им до одного пьеза.

После словесной перепалки с жандармом, Михай почувствовал взгляд у себя на затылке. Он хорошо знал, что чтение мыслей забирает у монаха много сил и если думать о чем-то, вызывающем бурю эмоций и переживаний, он не сможет прочесть то, что скрыто в самой глубине. Поэтому в своей голове он оживил воспоминания о борделе на два рубежа выше этой помойки, и в данный момент фанатик наслаждался видом путан, которые своими формами даже самого преданного служителя культа способны заставить свернуть с истинного пути.

– Мысли твои нечестивы и омерзительны, – промолвил покрасневший монах, стоя за спиной капитана. – Спасает тебя только то, что у нас нет времени заниматься твоими пороками, – после этих слов давление на затылок капитана исчезло.

– Мои мысли на то они и мои, что только мне и принадлежат, почтенный, а про пороки прошу рассказывать сосункам, которые баб не шупали.

От таких слов у монаха лицо исказилось так, будто он лимонника объелся – все знали, что дети мутантов рождались уродами и потому им было запрещено вступать в связи с женщинами.

Накал страстей сбавил поисковый пес, который громко залаял и потянул жандарма в сторону от злополучного контейнера.

– Бегом за ним, ленивые прохиндеи! – прорычал мыслечтец, при этом не отрывая взгляда от капитана «Жука». – Еще увидимся, нечестивый, – проронил монах и побежал за остальными преследователями.

– Конечно увидимся, выродок, – промолвил Михай, но этих слов монах уже не услышал.

После этого разговора еще два дня паровой порт был закрыт для всех. Капитаны паровых судов оббили порог канцелярии, но все было безрезультатно – ни одно судно не смогло покинуть порт. Для пущей убедительности на пирсе поставили паровую пушку и стреломет, так что попытка отойти от причала могла привести к дырявому парусу и очень долгому падению туда, куда лучше не падать.

Жандармы продолжали прочесывать территорию доков, грузовые платформы, а также выборочно проверяли траулеры. По настоянию одного из фанатиков «Жук» тоже был досмотрен. Главной задачей этой формальности являлась демонстрация силы нерадивому паролетчику, но итогом стала заниженная самооценка всех, кто ступил на борт траулера. Михай не скупился в выражениях, когда описывал суть служителей закона, которая сводилась к маленькому мужскому хозяйству и скудному содержанию черепной коробки. Но как бы жандармы ни старались, найти хоть что-нибудь мало-мальски противозаконное им не удалось, и все, что им оставалось – так это коситься из-под козырьков своих форменных кепок в сторону разговорчивого капитана, но не более.

– Закрыть бы тебя в камере, чертов паскудник, – сказал в конце этого действия тучный жандарм, которого все звали Пэгом. – Да мараться об тебя не хочется, рвань.

После всех этих неудобств на пирс пришли такие долгожданные грузчики и крановщики, правда несколько дней отдыха бодрости им не прибавили, и работа шла медленно. Михай уже начал переживать, как там парнишка трое суток без воды и еды, но из-за повышенного внимания со стороны служителей всевидящего к грузовым причалам, к контейнеру не подходил. Только раз, после дождя, Михай обошел контейнер и пробил ножом бочку с земляным маслом – как ни крути, а юнец ходил по нужде и собаки легко могли его почуять за милю. Черное масло растеклось жирным пятном по пирсу и лишь заставило всех ходить осторожнее, дабы не поскользнуться и не улететь в бездну. Вот теперь собаки точно не учуют его, даже если он встанет перед их носом.

К концу третьего дня, когда верхний остров отошел к горизонту и тем самым открыл для Миранды солнце, пустой контейнер, который по воле судьбы стал убежищем для разыскиваемого фанатиком мальчика, был загружен на борт «Жука». Капитан, пристально следивший за погрузкой, невольно осмотрел ставший ему домом траулер: небольшая палуба для груза, вмещавшая два контейнера, тросы и шланги, поднимающиеся ввысь к паровому парусу, который из-за своего зеленого цвета и формы все в шутку называли «огурец», решетка на корме палубы, прикрывавшая трюм, в котором размещались баллоны с паровым газом и склад, в котором царил хаос «всего необходимого в полете». Сверху на небольшой палубной надстройке возвышалась рубка, она же каюта капитана. В надстройке были столовая с нехитрым скарбом, пара помещений для абордажной команды, которые в связи с появлением воздушных патрулей на всех уровнях, были перестроены в удобные каюты для пассажиров с кроватями и умывальниками. Типичный траулер для всех рубежей, но этот траулер был его и носил гордое имя «Жук».

– Капитан, этсамое, принимай работу! – отвлек Михая от раздумий голос грузчика.

Повернув голову, капитан увидел своего собеседника: грязная рабочая одежда, засаленная кепка и улыбка, открывавшая редкие гнилые зубы.

Увидев недоумевающий взгляд Михая, грузчик продолжил:

– Мы, этсамое, троса накинули, но крепи, этсамое, сам, нам за это не уплочено, – включил обычную шарманку всех грузчиков работяга порта. – Аль плати и крепим.

– Может тебе еще заплатить за то, что рядом постоял?! Чтoб у тебя задница лопнула! – произнес капитан, опешив от такой наглости.

– Задница моя, этсамое, не лопнет, я ж ее газом паровым, этсамое, накачивать не собираюсь, – забубнил грузчик, при этом, не забыв протянуть руку, в которую рассчитывал получить дополнительную плату.

Михай закинул грузчику в ладонь три реала, при этом в его взгляде можно было с легкостью прочесть те проклятья, которые он желал своему оппоненту.

– Не торопись, улыбчивый, качественно крепи. Полечу утром, как светать начнет.

– Этсамое, никто не жаловался, все сделаем, – растянулся в улыбке грузчик и начал потопливать своих поделщиков, по-другому их и назвать нельзя было. – А ну, этсамое, крепи троса, воздухоход уплотил, этсамое...

Что уплотил воздухоход все поняли и так, разбежались вокруг контейнера и начали увязывать стальные тросы на лебедки, закручивая их со всех четырех сторон, темпом задаваемым гнилозубым, который был старшим этой шайки.

Михай мог бы и сам закрутить тросы на контейнере, но уж очень это было проблематично, ходить по кругу до каждой лебедки и подтягивать их равномерно по всему грузу, а так эти проходимцы управятся за десять минут. Когда-то у него был помощник на судне, и они вдвоем все это сделали бы сами, но вспоминать о тех временах он не любил. Да и ни к чему это, прошлое уже давно в прошлом.

Проверив работу прохиндеев и убедившись, что груз не улетит к центру земли при возможной болтанке, капитан «Жука» спустился на пирс и неторопливо пошел в канцелярию порта. При этом он невзначай бросил медяк в полреала сидевшему на пирсе старичку, зная, что теперь в его отсутствие никто не залезет на корабль, дабы поживиться капитанским имуществом.

В канцелярии былолюдно: толпа капитанов шумела, кто-то тряс бумагами перед лицом чиновника, который с важным видом сидел за столом в приемной. Все говорило о том, что мучения с простым еще не закончились.

– Что значит, просрочены? Я заплатила пошлину еще три дня назад, вот в этом самом помещении. Бумаги заполнены, почему не могу вылететь? – бasila Хильда, капитан «Веселого Томми», такая же тучная женщина, как и ее огромный траулер, паруса которого могли вместить сто пятьдесят кубов парового газа и несли двадцать тонн груза.

– Давайте разбираться, уважаемая, – слышался тоненький голосок служителя пера и чернил. Подбирают их что ли по голосу на такие должности? – По бумагам вы должны были вылететь седьмой неделей весны, а на улице уже восьмая неделя, поэтому отпустить вас без уплаты простоя причала мы не можем, – произнес чинуша, поправив окуляры на носу.

После его слов канцелярия взорвалась криками капитанов, посыпались угрозы расторжения контрактов с портом Миранды, угрозы поджечь порт, а также громогласные обещания подпортить шкуру одному работнику портовой канцелярии. Нужно отдать должное мелкому писклявому очкарику, сидевшему за столом: ни один мускул на его спокойном лице не дрогнул, он лишь поднял вверх руку, призывая всех к тишине.

– Простой судов стал возможен лишь по приказу всевидящего ордена, да будут долги годы его жизни, – запищал чиновник, при этом изобразил у себя на груди защитный жест, круг перечеркнутый трижды. – А как вам всем известно, орден и государство – это разные институты власти. По этой причине претензии по простоям судов можете приносить в письменном виде в отдел инквизиции ордена.

После того как он произнес последние слова, в помещении стало тише. Все знали, что инквизиция лишь посмеется над тобой, а может, и того хуже, запишет в списки неблагонадежных, что понесет за собой потерю разрешений на швартовку в портах, а это грозит потерей прибыли. На такое точно никто не решится.

– И сколько за простой? – нарушил тишину голос Михая.

Противный всем очкарик оторвал наконец-то свой взгляд от бумаг и посмотрел на говорившего:

– Капитан «Жука», малый траулер, простой составил три дня, учитывая то, что вы не по злому умыслу и не по своей прихоти занимали причал, королевская пошлина составит двадцать реалов и отчаливать можете немедленно.

– Покину порт утром, – произнес Михай и показал на ладони пять монет, номиналом по четыре реала.

Все взгляды в помещении были обращены на Михая, этого сурового и честного человека, который всегда держит свое слово. Вокруг начался гул презрительных перешептываний, которые были вызваны неожиданной покладистостью капитана. Вот только когда хозяин «Жука» попытался посмотреть этим дерзким шептунам в глаза, они стыдливо прятали свой взгляд. В этом мире справедливости нет, все это знали, как и то, что заплатить придется. Только решиться сделать это первым никому храбрости не хватило. Толпа расступилась, уступая Михая дорогу до канцелярского стола таможенника, на который он бросил монеты, раскатившиеся по столу в разные стороны. Ловкими движениями заправского шулера чиновник собрал монеты и отправил в верхний ящик стола.

– До утра можете быть пришвартованы, но с рассветом прошу освободить место или уплатить простой, – снова пискнул очкарик, кинув при этом быстрый взгляд в коридор, где

толпились жандармы. Один из них, которого Михай опознал как Пэга, многозначительно потирал ручку парового пистолета, спрятанного в кобуре на ремне. При такой поддержке чиновник чувствовал себя уверенно, даже будучи окруженным со всех сторон капитанами паровых судов, которые славились своей смелостью и безрассудностью, а также легкостью, с которой они могли набить морду отдельным наглым очкарикам.

– Вот видите господ, никто вас не грабит, – чинуша для уверенности еще раз посмотрел на жандармов и продолжил. – Кто решит отчалить из порта без уплаты пошлины, навсегда лишается права швартоваться в столице Миранде и других портах всего островного рубежа, – закончил свою речь тщедушный писака. При этом на его лице появилась мерзкая улыбочка: ведь этому задохлику, пользуясь своим положением, а в особенности толпой жандармов, стоящих в коридоре, удалось уgomонить толпу капитанов.

Дальнейших разборок Михай предпочел избежать и вышел на улицу, не забыв при этом забрать пропуск со стола пискуна. Проходя мимо жандармов, он поприветствовал Пэга пожеланием ему кишечных болей, на что толстяк лишь хищно улыбнулся. Стало понятно, что в этом порту служители закона ему ошибок больше не простят. Но настроение капитана из-за простоя, обысков, а в особенности из-за ненавистных ему мутантов фанатиков, было не на высоте, поэтому колкость в сторону жандарма он просто не смог удержать у себя за зубами.

Но все неприятности меркли на фоне того, что завтра он снова будет парить между островами. Именно во время полета, когда для него не существовало ни законов островитян, ни хитрых грузчиков, норовящих его обмануть, ни мерзких очкариков со своими писульками, он был по-настоящему свободен. В том мире для него и таких же как он, существовали только небо, ветер и восходящее солнце. Это была его страсть. Именно тогда он чувствовал себя живым.

Как только дверь контейнера захлопнулась, Марк оказался в крошечной темноте. Стараясь вести себя как можно тише, он забился в угол, сел на какие-то пустые ящики и приготовился в случае открытия контейнера максимально изображать из себя невидимку. Дождь, барабанивший по контейнеру все это темное утро, не давал слышать, что происходит на пирсе. А бешеная доза адреналина из-за утренней погони по улицам столицы, от которой кровь в висках пульсировала с бешеной скоростью, не давала ему уснуть еще неведь сколько времени. Лишь к следующему утру, как посчитал он по своим ощущениям, он позволил себе встать и размять затекшие мышцы. Ближе к вечеру появился невыносимый запах земляного масла, от него даже припасенная с собой еда потеряла всякий вкус, но это никак не повлияло на его решимость покинуть остров во что бы то ни стало.

В конце второго дня своего добровольного заточения Марк понял, что вода во фляге уже закончилась и его мучает беспощадная жажда. К тому же контейнер, который начал греться от палящего весеннего солнца из-за ушедшего верхнего острова, внес свою лепту в судьбу несчастного вора. В мыслях уже начали появляться маленькие червячки, которые просили его выйти из контейнера, но ночная попытка открыть дверь ни к чему не привела. Можно, конечно, утром закричать и попросить, чтобы его выпустили, но страх перед инквизицией очистил его лохматую голову от дурных мыслей. Лучше смерть, чем инквизиция – это знали все жители, и не важно какого острова, поэтому, вытерев свои слезы отчаянья, Марк лег поудобнее и прошептал:

– Марк, ты неудачник, твою сухую мумию найдут в этом контейнере. Будешь как король верхних островов, со своим собственным склепом, только окружать тебя будут не драгоценности, а мусор и пустые ящики, – с этой мыслью он провалился в беспамятство.

Когда, судя по остывшему контейнеру, к исходу подошли третьи сутки, Марк почувствовал, что контейнер оторвался от земли. Эта радостная новость добавила ему немного уверен-

ности – он на полпути к осуществлению задуманного, вот только жажда сразу уничтожила любые надежды.

– Терпение есть благодетель, – услышал он слова своей воспитательницы из детдома. – Терпение есть благодетель, – повторила она те же слова, сидя рядом с ним. Но как она тут оказалась?

Марк повернул голову, чтобы в темноте попробовать рассмотреть ее лицо, но тот тонкий лучик света, который проникал в контейнер через щель в двери от пьезолампы, горящей на причале, не позволил ему рассмотреть внутренности своей темницы. Здесь у него были лишь темнота и невыносимая жажда, и Марк потерял сознание.

Уже ни понимая, сколько времени он провел в заточении, воришка услышал скрип открывающейся двери. В ноздри ударил чистый воздух, он наконец-то смог вздохнуть полной грудью. От этого голова закружилась еще сильнее, по телу пробежала волна такой нужной ему прохлады и свежести. Яркий свет через дверь проникал в ставший таким ненавистным за это время контейнер. Прищурив глаза и собрав остатки своих сил, он встал и пошел к выходу. Прислонившись к стенке железной коробки, которая спасла ему жизнь и чуть не забрала ее обратно, прихрамывая на разбитую об мостовую ногу, он шел к выходу. Глаза постепенно перестали слезиться от яркого восходящего солнца, и он увидел огромный остров, на котором когда-то жил – его размеры просто поражали. Марк оторвал свой взгляд от столицы и перед ним появилось то, что невозможно описать словами: бесконечность, сизая даль, по сравнению с которой даже остров, на который он смотрел секунду назад и восхищался его размерами, был просто горошиной в тарелке с похлебкой. От этого весь мир вокруг него закрутился с бешеной скоростью и подкосились ноги...

Разобравшись с крепежом, Михай открыл контейнер, из двери повело чудовищным запахом. Первая мысль, которая появилась в его голове, была о том, что малец, скорее всего, очутился, но, взглянув внутрь, он увидел, что парнишка живой, да к тому же силится встать. Отойдя в сторону, он наблюдал, как парень на своих двоих, прислонившись к стенке, ковыляет к выходу: глаза прищурены, на одной ноге нет сапога, губы потрескались от жажды, но все-таки живой. И уловив момент, в который глаза у его пассажира начали закатываться, он подхватил его, не дав упасть на палубу.

– Живой? – задал вопрос капитан, усаживая парня спиной к контейнеру.

– Пить... – одно слово и взгляд, как у маленького щенка, загнанного в угол, но упорно не собирающегося сдаваться.

– Потерпи секунду, – сказал капитан, снимая с пояса флягу. Открыв крышку, он поднес ее к губам своего единственного за долгое время пассажира.

Малец начал жадно пить, при этом не отрывая взгляда от Михая. Когда вода во фляге закончилась, беглец еще раз посмотрел в бесконечную даль и окончательно провалился в беспамятство.

– Дилетант, – с ухмылкой произнес капитан «Жука», но посмотрев вдаль продолжил. – Хотя от такого вида и правда дух захватывает.

Глава 2

В самом центре столичного острова третьего рубежа, Миранде, на улице, вплотную подходившей к замку правителя, где проживали великие дома и находились учебные заведения всех степеней, располагался один из многочисленных Храмов всевидящего ордена. Это величественное белое здание с многочисленными заостренными пиками куполов и окруженное забором, внушало в сердца обычных обывателей благоговейный трепет, в сердца преступников – страх. А вот в сердцах грешников этот храм сеял ужас, ведь кража монеты каралась плетью,

а нечестивые мысли – инквизицией. Именно тут проходили обучение и становились монахами люди, обладающие даром мыслечтения. Таких адептов собирали по всем парящим островам, на всех рубежах, насильственно забирали из семей и путем долгих манипуляций с разумом и чувствами превращали в верных слуг всевидящего.

Раст сидел перед аудиторией, в которой проводился экзамен. Монашеский халат на нем был уже выдавшим виды, но он давно потерял интерес к тому, чтобы носить что-то другое. Потирая потные от переживания руки, он еще раз прислушался к тому, что происходит за закрытой дверью. А там шло испытание очередного адепта, который, как и он, изъявил желание служить всевидящему богу в рядах инквизиции – самой почетной службы ордена. Именно они, инквизиторы, стояли стеной на пути хаоса, который рождается в человеческих сердцах. Именно они наводили порядок в стаде, постоянно выявляя паршивых овец и отправляя их на суд божий.

Он мог еще два года назад пройти это испытание, но тот факт, что он упустил вора, ограбившего его орден, не позволил допустить его к экзамену. Раст потерял свой нос, который ему сломал тот грешник при побеге, улыбнувшись так, что шрам, перечеркивавший ему лицо, покрылся буграми. Он еще раз пообещал себе найти и наказать этого подонка.

Хоть он и отделался малым наказанием – всего год отречения, который он провел в темной келье, ни с кем не разговаривая и не видя белого света, – те духовные терзания, которые перенесла его душа, он ему не простит. А вот его учитель, который обнаружил похитителя реликвии, был обвинен в некомпетентности и показательно отправлен для выяснения обстоятельств в совет преподобных. Их допрос с пристрастием просто стер его память, навсегда превратив его в «куклу» – человеческую оболочку без сознания.

По этой причине никто не хотел брать его в ученики, и он почти год был вынужден работать в обслуге храма, но даже там на него смотрели с презрением. Он был изгоем в своем ордене: над ним издевались, унижали и каждый раз ему, как малолетке, еще не развившему дар, вбивали в голову одно и то же – ты унижил нас всех, ты показал слабость нашего ордена, а орден превыше всего.

Однажды, в тот самый момент отчаяния, когда он готов был прыгнуть со стены храма и умереть, к нему подошел отец Никос, амбициозный и верный служитель ордена. Именно он привез ту реликвию, которую удалось похитить проклятому вору. Реликвию, значение которой он сам не знал, но со слов Никоса, она должна была изменить все рубежи планеты, возвести имя всевидящего на пьедестал этого умирающего мира и направить его на истинный путь спасения, а Раст позволил себе упустить ее.

– Молодой человек, ваше стремление стереть себя из памяти ордена похвально, – проговорил преподобный. – Вот только это не исправит вашей ошибки.

Раст, услышав первые слова за несколько лет, обращенные к нему, – не приказ распорядителя или оскорбления, а именно обращение к нему, – упал на колени и заплакал. Неужели в этой жизни есть хоть кто-то, кто считает его человеком, а не ничтожеством.

– Отец, я готов на все, чтобы искупить свою вину и обелить свое имя, но мне не дают даже возможности, я стал обузой для своего ордена.

– Поживем – увидим...

От воспоминаний Раста оторвала открывшаяся дверь зала, где проходил экзамен. В распахнутую дверь с гордостью вышел новый полноправный член ордена и бросил на адепта презрительный взгляд, на его безымянном пальце было золотое кольцо инквизитора.

– Вы можете проходить, – произнес женский голос.

Сестра-монахиня, сидевшая на входе в аудиторию, тоже была своего рода экзаменом – попробуй только возжелать ее и двери перед тобой не откроются никогда. Раст на секунду задержался возле запертой двери, глубоко вздохнул и попытался успокоить свои мысли. Он

должен быть готов ко всему, что будет за этой дверью. Сосредоточившись на своем даре, он открыл дверь.

Пройдя в зал, где проходили испытания, адепт с ужасом застыл. В аудитории было пусто, только сквозняк гулял по помещению. Не может быть... Раст озирался по сторонам и не мог поверить в это. Неужели его опять отринули, неужели он снова отправится на такую ненавистную ему кухню? Эти мысли тяжестью каменной глыбы упали на плечи несостоявшегося инквизитора. На одеревеневших ногах он пошел к центру зала, сам не замечая того, как у него сжались кулаки. В этом виноват он, этот вор! Вор, который обрек его быть тенью, быть никем. Но внезапно, когда его мысли переполнились гневом, он почувствовал чужую волю у себя в голове.

– Я смотрю, молодой человек, вы не растеряли любви к богу, а самое главное не растеряли ненависти к хаосу, – произнес отец Никос, стоявший прямо перед ним. Но как он здесь оказался?

– Преподобный, как вы смогли?

По спине адепта прокатилась волна озноба – преподобный не только проник в его голову, он подменил ему реальность.

– Все просто, молодой человек. Когда вы только зашли, ваш праведный гнев затмил вам рассудок и мне не стоило труда через поток льющейся ненависти к хаосу пробиться в ваш разум, а у вас там довольно интересно, – заулыбался этот плешивый старичок. Но не стоило обманываться его видом – отца Никоса уважали. Поговаривали даже, что он может занять место главы храма в Миранде, а там недалеко и до верховного главы на верхнем рубеже. Преподобный продолжил.

– И поверьте мне, молодой человек, я удивлен тому, что вижу.

– Как мне это расценивать, преподобный? Меня опять отвергнут и отправят в услужение? – произнес Раст, проклиная себя за то, что с такой легкостью открыл свой разум учителю, а самое главное, он не знал, что тот увидел и как это повлияет на его дальнейшую судьбу.

– О нет, не переживайте, молодой человек, то, что я вижу, меня радует и поражает своей искренностью. Я очень долго за вами наблюдал и все никак не мог понять, что вами движет – искреннее желание исправить свой провал или обычная заносчивость. С того самого момента на стене мне не удавалось увидеть ваши истинные желания, год отречения дает о себе знать, – старик посмотрел на своего ученика и взгляд его серых глаз обжег не меньше раскаленного железа. – Но только сейчас я смог по-настоящему оценить, кто же все-таки передо мной находится.

Раст внимал словам своего учителя с фанатическим благоговением, он еле сдержал себя, чтобы не упасть на колени и не начать молитву о спасении души, заблудшей на темных тропях этого мира. В груди у него бушевала буря, которую он еле сдерживал.

– Да право, не стоит, держите себя в руках, молодой человек, – преподобный опять смог проникнуть в голову своего ученика. – В нашем порочном мире не стоит показывать свои чувства, разве только ненависть к хаосу. Все остальное нужно хранить в себе, отец Раст, – последние слова он выделил и протянул руку с золотым перстнем на безымянном пальце, на котором был изображен круг, перечеркнутый тремя линиями.

Пытаясь держать себя достойно, теперь уже полноправный инквизитор упал на колени и поцеловал протянутое ему кольцо. Точно такое же суждено и ему носить всю свою жизнь. Не веря своим глазам и ушам, он быстро прочитал молитву о всех заблудших душах, что вызвало довольную улыбку на лице учителя.

– Встань, брат мой. Отец инквизитор Раст, теперь вы служите ордену и мне, и поверьте, я буду строг с вами, справедлив – нет, ибо бог в этом мире справедлив, а инквизиция – это копье божье, а копьём все равно кто перед наконечником. Запомни это, брат мой. Ибо лучше покарать невинного, чем помиловать грешника, это священное правило нашей с тобой службы господу.

Встав перед преподобным в полный рост, новоиспеченный инквизитор склонил свою голову:

– Вы никогда не пожалеете об этом, преподобный.

– Я знаю, брат мой, я в этом уверен, – когда преподобный отец говорил это, его глаза горели огнем.

Ветер трепал лохматую шевелюру юноши, стоящего на краю небольшого воздушного траулера, мчавшегося с бешеной скоростью к летящему острову. Марк держался одной рукой за натянутый трос ограждения палубы, в другой руке у него был багор – он собирался загарпунить спасательную бочку, поднимающуюся на воздушном шаре диаметром три метра. Со всех сторон шара располагались петли для того, чтобы можно было с легкостью ее подцепить.

– Готовься! – послышался голос Михая сверху из рубки, он вел траулер по курсу перехвата на спасбочку.

– Дядька Михай! Я вижу ее, по левому борту, – юноша перекинул ногу через два троса ограждения и встал поудобнее, готовясь метнуть свое оружие в цель.

– Капитан, меня зовут капитан, – пробубнил хозяин «Жука» себе под нос, при этом с бешеной скоростью вращая штурвал, от чего ветер с силой бил в боковые элероны и ветряной руль на корме траулера, заставляя метал обшивки судна и тросы, которые удерживали паровой парус, гудеть он напряжения.

Они заметили спасательный сигнал всего несколько минут назад и им пришлось перескакивать с потока спокойного ветра, который вел их на остров второго рубежа, на ураганный ветер межостровного циклона. Сначала идея спасти потерпевших крушения казалась заманчивой, ведь деньги за это обычно платили немаленькие, но в этот раз он не рассчитал силу циклона и парус так и норовил оторваться от траулера.

– Постараюсь пройти около него на уровне палубы, – закричал капитан своему молодому помощнику. – Кидай точнее и учти нашу скорость, мы несемся как арбалетный болт, – капитана отвлек красный сигнал, загоревшийся на панели возле штурвала, означавший утечку парового газа с «огурца». – Парус пробило! – закричал капитан в тот самый момент, когда Марк метнул багор в воздушный шар спасательной бочки.

Бывший вор, а ныне помощник капитана, не успел увидеть результата своего броска, только веревка, прикрепленная с одной стороны за проушину к палубе судна, а с другой – за багор, продолжала разматываться из холщовой сумки, привязанной к перилам. Сейчас нужно заделать пробоину, иначе спасти уже придется их самих.

– Дядька, я пошел, – крикнул Марк, глядя вверх, при этом ощутив легкий рывок «Жука», который свидетельствовал о том, что багор нашел свою цель и сейчас подцепленная спасбочка с бешеной скоростью несется за ними.

Воришка по веревочной лестнице начал быстро подниматься к паровому парусу, поравнявшись с окнами рубки, он увидел разгневанное лицо капитана.

– Страховка, мать твою, страховочный шнур прицепи, – раздавался гневный крик Михая.

Понимая, что он уже далеко от страховочных шнуров и время идет на секунды, юноша продолжил взбираться к тоненькой дымной полоске, вырывающейся из «огурца». Паровой газ, подкрашенный синим цветом, как раз на такой случай, стелился вдоль левого бока паруса, четко указывая место пробоины.

Штормовой ветер так и норовил оторвать воришку от лестницы и унести его в бездну. Не ослабляя хватку, он продолжал пробираться по тросам к месту утечки газа. Внезапно один из стальных тросов лопнул и, рассекая со свистом воздух, ударил Марка. Чуть не слетев с тросов и ощутив боль, пронзившую его плечо, воришка ахнул и крепче прижался к баллону.

Собрав в кулак все свое мужество и стараясь не обращать внимания на рану, юноша продолжил приближаться к полосе синего дыма.

Держась одной рукой, Марк достал из подсумка на ремне баллончик с жидкой резиной под давлением и стал заливать небольшое отверстие. Субстанция, вырывающаяся из сифона и заливавшая пробойну, моментально застыла по краям. Продолжая распылять резину вокруг пробойны, он почувствовал, что они меняют курс и начинают выбираться на более спокойный поток ветра.

Наконец-то утечка была устранена. Еще раз просмотрев слой застывшей резины и убедившись, что нигде не парит газ, он позволил себе оторвать взгляд от паруса и обернуться. То, что он увидел уже в тысячный раз за время своего нахождения на борту, в очередной раз заставило быстрее биться его сердце: голубая бесконечная даль с рядами облаков и туч, через разрывы в которых прорывались солнечные лучи. Бесконечность, в которой ты ощущал себя пылинкой на ветру. Чувства, которые он сейчас испытывал, не могли затмить даже подзатыльники капитана, которые его ждали на палубе за то, что он в очередной раз не воспользовался страховочным шнуром.

Спустившись по веревочной лестнице, как того постоянно требовал капитан «Жука», запрещавший скатываться с паруса по тросам крепления, Марк увидел, как Михай с гневным лицом спускается из рубки.

– Какого болта, Марк? Ты опять решил покончить жизнь самоубийством? Уж лучше бы ты устремился насмерть в том контейнере, в котором я тебя нашел, – начал старую песню капитан. Любил он напоминать своему помощнику в каком состоянии он попал на борт и все тут.

– Капитан, я лишь спас нас, как вы заметили, – бывший воришка перешел на более официальный тон, который так любил Михай и, вжав голову в плечи, приготовился к подзатыльнику.

Гневно посмотрев на своего помощника, который повернулся к нему правым боком, пытаясь спрятать свое рассеченное плечо и капли крови, стекающие по руке, капитан пошел к натянутой от палубы вверх веревке и начал подтягивать спасбочку, которая успела подняться выше их парусов.

– Дядька Михай, а почему парус мы зовем парусом, он же, по сути, тот же воздушный шар, просто надувной баллон с газом, – произнес Марк, когда начал помогать капитану замахивать лебедку и подтягивать бочку.

– Причина в этом одна, птичья твоя голова, если ты назовешь наш «огурец» воздушным шаром, то вылетишь с траулера, – уже более мягким тоном заговорил Михай. Все-таки паршивец спас их, хоть и нарушил кучу капитанских правил. – И вместо того, чтобы задавать вопросы, принеси мне бинт и мазь от заразы, нужно замотать тебе плечо, пока всю палубу не заляпал.

– Да это пустяки, со мной и не такое бывало, – начал свое бахвальство юноша. – Чутка шкуру попортило, с кем не бывает, – после этих слов, в очередной раз получив подзатыльник, Марк все-таки пошел за аптечкой, которая хранилась в рубке.

Вернувшись с медицинской сумкой, молодой помощник расположился у ограждения и начал снимать с себя кожаную куртку, латаную во многих местах. Такие куртки носили все паролетчики, она хорошо защищала от ветра и дождя, но вот от лопнувшего троса не помогла. Следом на палубу отправилась серая рубаха.

– Дай посмотрю, – справившись с креплением злополучной бочки, пробасил Михай, забирая из рук Марка небольшую сумку с красным крестом, в которой хранились медикаменты.

– Да все в порядке, дядька, только... – фразу ему не дал закончить очередной подзатыльник.

– Два года тебя учу, учу, а ты как был дурак, так и остался. Без страховки люди поопытнее тебя вылетали за борт, ладно хоть в этот раз ремкомплект с собой взял, а то пойди найди его в твоём гадюшнике. Когда порядок уже наведёшь? – начал свою атаку капитан на мальчишку, при этом ловко растерев мазь по краям рассечения на плече, начал аккуратно накладывать бинт на кровоточащую рану.

– Капитан, как думаете, кто там внутри? – кивнул головой в сторону аварийной бочки Марк. – Кого мы спасли?

– Не знаю, но я собираюсь сполна с них потребовать. Мы чуть не рухнули к центру земли от таких виражей.

После этих слов дверь на бочке, которая была заперта изнутри, с шумом открылась нараспашку и первое, что они увидели – это блеск от ствола пистолета, направленного на них. Он был в руках здорового верзилы, одетого в форму охранника: штаны и китель зелёного цвета с вычурными вышивками на плечах и локтях рукавов. Его голову украшала здоровенная шишка, свидетельствующая, что рывок бочки не прошёл для её пассажиров бесследно. Из-под закатанных рукавов были видны татуировки, покрывающие его предплечья. С глухим звуком ухнув каблуками своих сапог по палубе, громила спустился на борт.

– Кто такие? – не опуская пистолета, спросил пассажир, при этом не забывая поглядывать по сторонам, – Где остальные?

– Ты свой пистолетик убери, а то можешь выпасть за борт, – уверенным голосом проговорил Михай. – Если не нравится мой траулер, залазь обратно и лети вверх, пока баллон не лопнет. – При этом он сделал два шага навстречу верзиле, показывая своим видом, что этим «пистолетиком», как он обозвал грозное оружие неожиданного пассажира, его не напугать.

Не вступая в разговор между капитаном и пришельцем, Марк поднял с палубы свою окровавленную рубашку и незаметно достал нож из-за голенища сапога, очередной раз пожалев о том, что, соблюдая правила капитана, хранил свой пистолет в железном ящике в рубке.

– Джаг, не надо, они ведь нас спасли, – послышался тонкий уставший голос и вслед за здоровяком на палубу спустилась молодая, светловолосая особа в дорожном костюме, состоящем из темно-синей брезентовой куртки с вышитым медведем на левой стороне груди и таких же штанов, на ногах у неё были легкие ботинки из очень дорогой кожи ящеров.

– Леди Эвелина, побудьте внутри, пока я все не проверю. Они могут быть в сговоре с теми пиратами, – обратился к ней, названный Джагом, охранник, даже не думая убирать свое оружие.

Эвелина, судя по обращению охранника, была особой благородных кровей. Девушка с нескрываемым интересом посмотрела на своих спасителей, невзначай задержав взгляд на молодом помощнике, который стоял обнаженным по пояс. Особенно на его накачанном торсе, отчего на ее щеках выступил румянец. Заметив это, Михай обернулся на воришку и увидел, что он прячет нож в рубашке, которую держит в руках.

– Марк, убери нож обратно и оденься, не смущай наших пассажиров, – после чего обернулся к леди и продолжил. – Они слишком много платят за поездку, нам не стоит проявлять враждебности, – что-то, а капитан умел заключать сделки, используя минимальное количество слов.

– Конечно мы заплатим вам, эм... за ваши услуги, но только по прибытии на Тефию. Там мой отец, и он с радостью вас озолотит за спасение своей дочери, – пыталась снять возникшее напряжение девушка, положив свою тонкую ладонь на пистолет в руке Джага.

– Леди, и все-таки я им не доверяю. Только посмотрите на них, просто два головореза, – Джаг еще раз пронзительно посмотрел на капитана и его помощника, который засовывал клинок обратно себе в сапог, но пистолет все же убрал в кобуру на поясе, при этом слегка заслонив собой свою хозяйку.

– Если изволите, можете занять гостевую каюту, леди. Ваш охранник поживет в каюте моего помощника, а мы потеснимся у меня в рубке, – кинув взгляд на верзилу, Михай продолжил. – Нам лететь еще пару дней, поэтому, если вашему охраннику не нравится наш вид или если он еще раз наведет свою пукалку на меня или моего помощника, то может продолжить свой путь в трюме, а там уж не так удобно, как мне кажется.

На угрозы, которые произнес капитан, амбал лишь ухмыльнулся, после чего пассажиры направились в указанные каюты. Заселение пассажиров заняло совсем немного времени – леди Эвелина разместилась в пустой каюте, а Джаг, отказавшись от проживания в «какой-то помойке», как он назвал каюту помощника, уселся на стуле возле входа к своей госпоже. Марк на оскорбление его чистоплотности ответил на языке неслышащих, но смысл этого жеста понимали на всех островах. Суровый охранник на дерзость юноши ответил улыбкой, не обещавшей грубияну ничего хорошего.

После всего произошедшего в этот день, помощник капитана еще несколько часов занимался ремонтом порванного троса и проверкой всего, что только можно было: корпус, рули и газовая система накачки паруса. В один момент он почувствовал запах еды и хотел уже пойти перекусить, но оказалось, что это Михай принес ужин для новых пассажиров, а его отправил в трюм проверять крепление груза. Закончив наконец-то свою работу, юноша поднялся в рубку к капитану:

– Дядька, а долго нам до этой Тефии лететь?

Хозяин «Жука» стоял в центре своей обители, склонившись над столом с картами воздушных потоков всех рубежей и судовым журналом. Как всегда, в помещении было чисто и главенствовал порядок: кровать была аккуратно заправлена, все вещи лежали по своим местам, пристегнутые кожаными ремнями, шкаф с книгами был закрыт на засов – решетка не позволяла литературе разлететься по комнате. Чайник стоял на газовой плите и из него парил ароматом кофе, кружки, в специальных углублениях на подносе, стояли рядом. Воспользовавшись тем, что капитан задумался, юноша без зазрения совести налил себе полную кружку, за что обычно Михай отвешивал свои любимые подзатыльники, и встал за штурвал.

– Не сбей нас с курса, мы идем не на Тефею, а к Локу, пришвартуемся там, нам нужно запутать наши следы.

– А к чему такая коспи... конспирация, – выговорил недавно изученное им слово воришка, что говорило о пользе многочисленных книг, которые Михай заставлял его читать.

– Слишком все странно. Пираты не нападают на этих рубежах, только если им жить надоело или если за это платят очень большие деньги, а это значит, что тут замешаны влиятельные силы, которые способны с легкостью прикрыть эту историю, а заодно отправить к ядру планеты один небольшой траулер, который стал всему свидетелем.

– Тогда кто на них напал? Как думаешь, дядька?

– Об этом они нам сейчас расскажут, – произнес капитан, обернувшись ко входу в рубку, где на пороге как раз стояла леди Эвелина и Джаг.

– К сожалению, мы сами этого не знаем. Хотели задать вам тот же вопрос, может, вы что-нибудь видели? – задала вопрос юная леди, проходя в помещение.

Посмотрев на нее, капитан отметил себе, что говорила она подозрительно уверенным голосом – ну никак ее утонченный вид не соответствовал ее поведению. Во взгляде у Эвелины читалась уверенность и решительность, которые она прятала, задавая вопросы, на которые, судя по всему, знала ответы. При этом ее охранник уж слишком пристально смотрел на капитана и его помощника.

– Нет, мы только увидели вспышку пламени, – заговорил капитан. – Вернее, Марк увидел вспышку, вам стоит поблагодарить его, – указал Михай кивком в сторону бывшего воришки.

– А как взорвался ваш траулер? – вставил свои два реала Марк, когда все обратили взгляд на него.

– Ой, – леди Эвелин прижала ладони к губам, продолжая играть роль высокородной кокетки. – Все было очень быстро. Нас обстреляли из паровой пушки, капитан пытался увести нас, но пиратское судно было быстрее, за ними тянулась полоса синего дыма, и они быстро нас догнали, – она в очередной раз широко раскрыла глаза, но Михай продолжал подозревать, что она всего лишь играет роль.

– Они травили газ из баллонов для того, чтобы вас догнать, так делают многие пираты, – блеснул своей эрудированностью в воздушных боях юноша.

– Когда они приблизились, то кинули веревки с крюками и подцепили нас как рыбу на крючок. Джаг вместе с командой отстреливался от нападавших, но наши силы были неравны, а потом на палубе начался пожар, – глаза девушки наполнились слезами. Вытерев их платком, который она держала в руке, юная леди продолжила. – Все, кто были на борту, побежали к спасательным бочкам, Джаг схватил меня и затащил в первую попавшуюся. Сам он пытался спасти одного из членов команды, но прогремел взрыв и Джага отбросило внутрь бочки, а того несчастного накрыла волна пламени – это взорвался паровой газ в трюме. По стечению обстоятельств, нас отнесло в сторону, и наш шар раскрылся не сразу, как остальные, иначе бы пламя поглотило и нас, – она шмыгнула носом. – Кажется, крики навсегда будут в моих воспоминаниях. Последнее, что я видела через смотровую щель, как вспыхнул уже пиратский корабль, который загорелся после первого взрыва на нашем траулере, и это не оставило никому шанса на выживание.

– Вы очень храбрая, – промолвил, не отрывая от нее глаз, молодой паролетчик.

– Вся моя храбрость была в том, что своим криком отчаянья я не оглушила Джага, наверное, он был рад, что я не визжала как сумасшедшая, – добавила немного бравады в голосе Эвелина, слезы уже не катились по ее лицу.

Но по взгляду благородной особы и по тому, что Джаг следил за каждым ее словом и всячески кривил свое лицо, когда она говорила о тех или иных подробностях, капитан сделал вывод, что они многое не договаривают.

– Я не собираюсь выяснять у вас причину, по которой пираты за вами следовали и кому вы перешли дорогу, все что я хочу – поскорее от вас избавиться. За ваше спасение я прошу лишь одного, – Михай посмотрел на пассажиров. – Не упоминайте о нас никому, ни друзьям, ни врагам тем более. Мы же даем вам слово, что тоже не будем упоминать о вас и ваших неприятностях. Взаимовыгодный договор! – прогремел голос капитана и по его тону было ясно, что это его окончательное решение.

– Как бы там ни сложилось, – заговорил Джаг, при этом он упорно продолжал общение с командой «Жука» через свою леди. – Нам нужно попасть на столичный остров Тефия и как можно скорее, нас ждет ваш отец, – закончив, он остановил свой надменный взгляд на капитане.

– Капитан, что будем делать? – задал волнующий его вопрос бывший вор, который все никак не мог оторвать свой взгляд от молодой особы. В мыслях он уже представлял будущее: смелый паролетчик и красавица, ждущая его на острове. Прямо роман в трех томах. Но только решение капитана никак не способствовало воплощению в жизнь его мечтаний.

– Мы отвезем вас на Лок, завтра утром мы уже будем на месте, в порту всегда много судов, вы сможете найти тех, кто отвезет вас до Тефии, – вынес свой вердикт капитан.

– Лок та еще помойка, отличное место для сброда вроде этих, – сказал Джаг своей хозяйке, продолжая упорно игнорировать своих спасителей. – Я же говорил вам, они просто парочка охотников за удачей, не более того.

– Не будь таким суровым, Джаг, не каждый может жертвовать своей жизнью ради... – юная особа замешкалась. – Ради незнакомых людей, – очень внимательно подбирая слова, произнесла леди. – Капитан, мы будем вам благодарны, а вашему помощнику спасибо за его зор-

кий взгляд, – произнесла она, глядя хозяину «Жука» в глаза, после чего развернулась и вышла из рубки.

Джаг, в свойственной ему манере, надменно усмехнувшись, проследовал за своей госпожой.

– Дядька, а с чего ты взял, что они не договаривают нам что-то? – любопытствовал Марк у своего старшего товарища, когда пассажиры спустились к каютам. Уж очень ему хотелось продолжить знакомство с благородной девушкой.

– Чувствую, Марк, а я привык доверять своим чувствам. А ты даже не думай туда лезть, вон как глаза вылупил на девчонку, смотри не вырони, герой-любовник, – сказал капитан, вставая за штурвал и проверяя, что они все еще на нужном им воздушном потоке.

– Да не глазел я, а слушал что говорят. Сам же сказал мне, всегда слушай, что говорят, вот я и работал на ушном наблюдении, как в тумане, – начал оправдываться Марк, при этом раскладывая карты по каталогам, как этого требовал капитан. – Когда заступаю на вахту?

– Сегодня я сам за курсом прослежу, иди поспи и еще раз смажь плечо. Если утром лихорадка будет...

– Да знаю, за борт выкинешь, – перебил капитана воришка и, поймав на себе суровый взгляд, выскочил в дверь.

Капитан остался один в рубке и был благодарен тому, что никто не видит, как он до белых костяшек сжал штурвал. Его гнев был направлен на этих чертовых пиратов, на эту спасательную бочку и ее пассажиров, которые могут затащить их туда, откуда ветра не вынесут, будь они прокляты. «Спасение падающих – дело рук самих падающих», вот принцип жизни, которому он научился. После таких раздумий в его сердце затаилась тревога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.